

Шедяков В.Е.

Исторические динамики мифодизайна общества в стратегии футуродиагностики: подготовка и реализация программирования будущего, управления настоящим

Миф изучается сквозь призму политического творчества и отчуждения в жизни отдельного человека и общества. Мифодизайн рассматривается как средство эффективного управления состоянием, отношениями и процессами в настоящем и программирования будущего. Близость природы мифа к особенностям характеристик постсовременности анализируется с точки зрения исторической реактуализации ресурсно-методологических возможностей общественного мифотворчества. Внимание обращается на потенциал образно-метафорической наполненности мифодизайна в стратегии проведения футуродиагностики.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, мифодизайн.

Міф вивчається крізь призму політичної творчості та відчуження в житті окремої людини й суспільства. Міфодизайн розглядається як засіб ефективного управління станом, відносинами й процесами сьогодення й програмування майбутнього. Близькість природи міфу до особливостей характеристик постсучасності

аналізується з точки зору історичної реактуалізації ресурсно-методологічних можливостей суспільної міфотворчості. Увага звертається на потенціал образно-метафоричного наповнення міфодизайну в стратегії здійснення футуродіагностики.

Ключові слова: міф, міфотворчість, міфодизайн.

Myth is studied through the prism of political creativity and alienation in the life of an individual and society. Myth-design is seen as a means of effectively managing of the state, relationships and processes in the present and programming of the future. The likeness of the nature of the myth to the characteristics of the post modernity is analyzed from the point of view of historical reactivation of the resource-methodological possibilities of social myth-creation. Attention is drawn to the potential of image-metaphorical fullness of mythology in the strategy of conducting future-diagnostics.

Key words: myth, myth-creation, myth-design.

УДК 1.000.165.6

Шедяков В.Е.,
доктор социологических наук,
независимый исследователь

Один из могучих ресурсов «якорения» мировоззренческих стереотипов и поведенческих особенностей – мифы, отражающие процессы духовные и материальные, интегрирующие целеполагание и спонтанность. Мифотворчество сплетает собственное творческое и отчуждённое восприятие в процессах социализации / аккультурации и индивидуализации, отражая взаимопереход реального и идеального в политических процессах [1–4]. Соответственно, мифодизайн предоставляет не заменяемые без потерь ресурсно-методологической базы самоопределения и воздействия (индивидуального и социального по уровню (социокультурного по содержанию)) на настоящее и будущее культурно-цивилизационного мира и отдельного человека. Характер общественного Сверхпроекта программирует политическую жизнь, но сам он может быть ориентирован либо на прагматичные ценности (цементирует общественную поддержку мещански-потребительского социально-политического поведения), либо на высокие ценности-идеалы с высвобождением ценностей творчества, что осуществляется, в частности, с привлечением ресурсно-методологических баз мифотворчества [5–7]. Исследование их особенностей опирается на работы В. Абаева, Р. Барта, М. Бахтина, К. Богданова, Ж. Бодриера, Э. Будаева, Ю. Емельяновой, Дж. Лакоффа, Г. Лассуэла, Г. Лебона, В. Липмана, Б. Мандевиля, Г. Маркузе, В. Троттера,

К. Флада, В. Франкла, Э. Фромма, а также Л. Архангельского, О. Балакиревой, Ю. Боровой, С. Вакуленко, Л. Волочковой, Р. Галлямовой, О. Дробницкого, Б. Дубина, Э. Ильенкова, А. Кольева, Е. Копатько, Ю. Мирошникова, А. Мусолффа, В. Пивоева, В. Радаева, Ю. Серовой, Е. Суименко, В. Тарасенко, В. Тугаринова, А. Уледова, К. Флада, М. Хевеши, Ф. Хрусталёва, З. Цораева, Н. Чавчавадзе, А. Чудинова, Ю. Шайгородского, В. Шилова, А. Щедрина, Дж. Эльштайна, В. Ядова и др.

Цель статьи – отражение авторской позиции по вопросу исторической динамики мифодизайна как направления ресурсных баз для программирования будущего и изменения настоящего с акцентированием условий постсовременности.

Миф – важнейший фактор обеспечения продуктивности итогового вектора общественного единства в культурно-цивилизационных мирах. Миф объективно и субъективно, на идеологическом и психологическом уровнях, в общественной и индивидуальной плоскостях интегрирует социокультурное пространство. Вместе с тем эта слитность множится социально-политическими стереотипами и процессами обобщения / конкретизации, которые могут стимулировать те или иные действия / бездействие. Миф эмоционально окрашен, содержит в себе то или иное отношение к смыслам и субъектам событий. Миф иррационален в своём иллю-

гизме, но по-своему мудр как способ объяснения мира и возможностей / границ взаимодействия с ним. Мифотворчество также интегрировано в общечеловеческую практику, выступая неотъемлемой составной частью исторического процесса.

Миф в образно-символическом виде метафорично обобщает как абсолютные ценности – истины бытия, так и утилитарно-практические ценности быта, обеспечивая определённый уровень удовлетворения ценностей и воплощая конкретные интересы [8–13]. Миф может быть более / менее простым, «точечным»: абстрагированным от многих деталей в пользу привлечения внимания к некоторым из них. Как социально-политическое явление миф обеспечивает саморегулирование общества, предоставляя ресурсы как позитивному, так и негативному взаимовлиянию общества и личности. Например, по мнению исследователей, есть множество людей, смысл жизни которых в той или иной степени негативен (то есть можно говорить о степени бессмысленности жизни). В первую очередь к ним можно причислить массу людей, поддавшихся порокам, преступникам, зависимых от наркотиков, алкоголя и потому не работающих, бездельничающих. К ним можно отнести людей, проживающих свою жизнь по принципу «убить время» [3, с. 73]. При этом наиболее агрессивная / пассионарная часть общества имеет возможность навязать удобные для себя мифы в качестве господствующих в обществе (и тем самым продлевающих структуру идеологического воспроизводства).

Соответственно, общественный миф (дорелигиозный, религиозный и пострелигиозный) – важнейший фактор социально-политического лидерства и стратегического дизайна общества. Вместе с тем формирование вектора общественной трансформации определяется доминирующими ценностно-смысловыми комплексами агрессивного / пассионарного меньшинства, навязываемыми культурно-цивилизационному миру как прогрессивные / неизбежные для него. Ресурсы мифа базируются на группах образов и символов, живущих в языке и сознании, опираясь на особенности культурно-цивилизационных миров и кросс-культурные характеристики человеческого восприятия [14–16]. Создание и распространение привлекательного образа не просто притягивает потенциальных сторонников, информационно «заражает» и активизирует их, они фактически материализуют идеи, подходы, переводя виртуальный мир в реальную плоскость и обеспечивая получение вполне действенных преимуществ. Поскольку формирование образа апеллирует к опыту и настроению, интегрируя феномены культуры художественной и интеллектуальной, это позволяет под внешним видом рациональных решений скрывать иррациональ-

ные начала, обходить ловушки критицизма и рассудительности. Впитывая особенности ценностно-смысловых комплексов, оперирование образами осуществляет воздействие на переход между общественным и индивидуальным восприятием; природа самих ценностей предполагает их рассмотрение с позиций отпечатка общественного сознания в индивидуальном, отражая совокупность свойств идеального. Соответственно, оперирование образами входит в соприкосновение с составляющими элементами социальной памяти, общественных мифов и традиций.

Восприятие образов исторично. Как известно, у каждой эпохи свои нормы и формы выхода за них (как в моральное, так и в аморальное, как в героическое, так и в низменное): для различных условий необходимы разные черты.

В частности, неомифы – необходимость отражения (в т. ч. во вторичных, третичных и прочих производных мифологемах) изменившихся условий жизнедеятельности. Вместе с тем они могут стать и механизмом оживления, усиления и акцентирования различных фрагментов социокультурной памяти, и направлением обратного воздействия на первичные мифы культурно-цивилизационного мира. Язык мифа сформировался как орудие сознания (индивидуального и социального): речь – форма мысли. Соответственно, метаязыки культурно-цивилизационных миров несли нагрузку социализации и аккумуляции, включая в понятийный аппарат и общественный быт (по известному выражению, понятие пилы несёт знание о функции распиливания; тогда как в легенде о первобытном племени, табуировавшем слова предшествовавшего поколения, каждая последующая генерация была вынуждена каждый раз заново постигать ранее пройденное предками). Наряду с кросс-культурным потенциалом метаязыка, культурно-цивилизационные миры создают / осваивают свои особенности жизнедеятельности и развития. В формировании ценностно-смысловых комплексов слились потоки коллективного бессознательного и общественного сознания. Приобретение кардинальных отличий метаязыками культурно-цивилизационных миров, осуществлённое в «осевое время», стало решающим толчком к их самоидентификации, прежде всего, в формах ценностно-смысловых комплексов, закреплённых в их священнописаниях. При этом легитимация решений, базирующихся на иррационально-бессознательных порывах и идентификациях, происходит в рациональных формах, при задействовании принятых процедур и процессов. Развитие самоидентификации культурно-цивилизационных миров в процессе антропосоциогенеза интегрировало мифологический, религиозный и светский уровни общественного быта народов. Впитывая особенности ценностно-смысловых комплексов, опери-

рование образами осуществляет воздействие на переход между общественным и индивидуальным восприятием: природа самих ценностей предполагает их рассмотрение с позиций отпечатка общественного сознания в индивидуальном, отражая совокупность свойств идеального. Соответственно, оперирование образами входит в соприкосновение с составляющими элементами социальной памяти, общественных мифов и традиций. Идеальность как черта не только бытия потенциального или субъективного представления (коллективного или индивидуального), но и формы представления, деятельностного замещения одного предмета другим позволяет осуществить анализ этой «чувственно-сверхчувственной» реальности. При этом происходит идеальная репрезентация материальной действительности, когда идеальное является признаком истинного бытия материального.

Вместе с тем создание программы политической жизни ресурсами общественного стратегического дизайна (в частности, мифодизайна) коррелирует с особенностями постсовременности моделей и практик формирования чернового наброска будущего, создания его замысла и выявления намерения [17–21]. Поскольку время перехода к новой эре совпало с доминированием англосаксов, осуществлялось давление в направлении глобального навязывания их миропонимания, подходов и институций. В частности, в их системе права и политико-административной системе исторически особое значение приобрела образность как средство эмоционально перетянуть на свою сторону (вопреки логико-рациональному академизму традиции доказательств и убеждения в странах континентальной Европы). Так, например, по известному утверждению, «когда при выборах в Америке пожимают руки, в Европе пожимают плечами; но голосуют-то в Америке». Социально важной информация становится при соответствии социокультурной памяти, укоренении базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира.

Трансформации, произошедшие в результате постмодернизации культуры, постглобализации мира и информатизации социокультурного пространства, реактуализировали ресурсно-методологические базы мифолекта как специфической формы социолекта в осуществлении футуродиагностики и программирования, обеспечивающих полноту восприятия и интерпретации мира с опорой на архетипы культурно-цивилизационных миров [22–28]. Сохранение и развитие культурно-цивилизационного мира заключается в умении программирования форм, эффективных для общества в новых условиях, для создаваемых веками народных традиций, исторического опыта, социального наследия. Знание, опыт, воз-

можности рассеяны в обществе. Они принципиально нецентрализуемы. Эклектичность и избирательность как черты постмодерной культуры мультиплицируют возможности новых СМИ сетевого общества, формирующих новые черты сравнительно с масс-медиа, что меняет акценты в обеспечении их эффективного применения, усиливая предпосылки для изменения управления и повышения гибкости мифолекта на основе социокультурных доминант.

Мифолект как специфическая форма социолекта и орудие социального управления оказывается тесно связанным с вектором внушения. Заведомая ресурсно-методологическая плюральность постсовременности (от постмодерной культуры до постиндустриальных отношений и постглобализма структурирования и внешних связей) предполагает преодоление обязательности канонов и штампов, появление и реализацию подлинной свободы выбора для каждого. В частности, осовременивание, модернизация отнюдь не обречены следовать модели вестернизации, тем более в «догоняющих» вариациях трансформаций. При этом из каждого класса моделей жизнеустройства и развития (традиционных, современных, постмодерных) конкретный культурно-цивилизационный мир может создать свою специфическую конкретику со своим диапазоном изменений [29–32].

Для постглобальных реалий наиболее острое смысловое противоречие олигархата и народных масс проявляется на поверхности общественных отношений как конфликт ценностей потребительства и творчества. Мифы общества потребления призваны сохранить господство прежних вершечек и свойственного им политического, экономического и социального уклада посредством навязывания благоприятных подходов и стереотипов, экстенсивного распространения прежних шаблонов, норм и табу. Потакая высвобождению звериных инстинктов присвоения и удовольствия, мифы общества потребления обволакивают сознание и навязывают глобалистский конформизм и примиренчество к чуждым приоритетам. Подкупленный идеологией комфорта, человек легко манипулируем в принятии действительно общественно важных решений. Вместе с тем мещански-потребительское социально-политическое поведение может колебаться в диапазоне от пассивного до агрессивного, стимулируясь распространяемыми мифами и опирающейся на них проекцией силы. Товарно-вещной фетишизм взаимосвязан не только с хозяйственно-экономическим, но и с социально-политическим отчуждением и фиксируется устаревшими системообразующими отношениями труда, собственности и управления.

Творчество, реализуясь в мифотворчестве, связано с процессами взаиморазвития личностей, а

не с преклонением перед новизной. Оно предполагает не произвол, а преобразование мира по принципу строгой детерминации законами самого мира, его всеобщей индивидуальности. При этом само творчество как феномен культуры имеет характер и эмоциональный, и рациональный. В то время как в сфере и природных, и социальных законов необходимость однозначно, линейно первична, в творчестве потребность в свободном развитии становится определяющей, а необходимость трансформируется в средство осуществления свободы. Деятельность как творчество – это уже не столько труд для необходимости удовлетворения какой-либо индивидуальной потребности, сколько воплощение в вещах универсальных возможностей человека как социального, родового существа. Если в труде как таковом социальное отношение расположено рядом с деятельностью, то в творчестве социальное отношение – сущность деятельности. Становление труда как творчества означает смену детерминации деятельности вещами детерминацией материализованными в них возможностями человека. В процессе творчества реализуется всеобщая (материальная и идеальная) представленность индивида как в других людях (прежде всего, окружающих его), так и в нём самом. Конкретный способ соотношения и взаимосвязи выражает историческое развёртывание от абстрактного состояния общественных отношений во всеобщих совместных и единичных формах контактов. Творец получает социальное наследие всей предшествующей истории развития данного общества. Только осваивая его, он превращает свой творческий потенциал в реальные способности. Вот почему, как правило, количество людей, обладающих очень крупными конструктивными возможностями, значительно больше, чем число лиц, получающих социальный, подтвержденный материальными и духовными благами, заказ на творчество, оформляемый в достаточные знания, необходимость развивать и применять их.

Таким образом, мифотворчество входит в воссоздание субъекта как биологического вида, как вида цивилизационного, как собственно носителя творчества, а сам субъект предстает в единстве уровней личности, коллектива, общества и человечества. Другими словами, как отношения отчуждённого труда рождают человека экономического, так свободное самодеятельное творчество воспроизводит человека творческого, что радикально меняет поведенческие стереотипы и механизмы влияния, усиливает особый баланс макро- и микрофакторов развития общественных отношений, повышая требовательность к свободе и ответственности людей на основе народных традиций, исторического опыта и социального наследия [33, с. 103]. Творчество как таковое – пря-

мой, универсальный, доступный для каждого, а потому демократичный, непосредственно самодеятельный и свободный способ развития. Он отрицает превращенное, элитарное, социально разделённое становление общественного потенциала в рамках отчуждения. Вместе с тем при доминанте отчужденной общественной жизни как формы реализации процессов овещнения / расчеловечивания, при недостатке средств и материалов для воплощения замыслов индивидуальное и социальное творчество исторически вынуждено принимать превращённо-иррациональные формы.

В стратегической футуродиагностике общественная практика как мифотворчество – это специфическая человеческая деятельность (неравнозначная деятельности животных) по целенаправленному преобразованию мира, результатом которой и является реальное изменение действительности. Человеческая практика целесообразна, общественна, предметна. По нашему мнению, практика может пониматься и более широко, включая в себя не только материально-предметные, но и социально-материальные, а также социально-идеальные процессы. С этих позиций общественно-исторической практикой является взаимодействие социальных групп и все виды общественного воспроизводства. Расширительно трактуемая практика включает в себя производственные, социальные структуры и эксперимент. Практика – свойство человеческой деятельности, но это не всегда такая деятельность, которая составляет особенность человека, его исключительное свойство. Процессы опредмечивания – распредмечивания могут поработать человека, низводя его до уровня потребителя. С этой точки зрения, оппозиция отчуждению – свобода, альтернатива отчужденному труду – свободное самодеятельное творчество. Выражением личностной устремлённости участников процесса общественной жизни, политических субъектов целостности материальной и духовной культуры общества становится их творческая активность, причём свободное творчество преодолевает отчуждённую деятельность по трём основным пунктам: во-первых, сохраняется позитивный момент отчужденной деятельности (её созидательность), во-вторых, уничтожается негативный аспект ((само-) разрушающая сторона), в-третьих, осуществляется переход на качественно новый уровень деятельности, по отношению к которому активность субъекта деятельности выступает сущностью, активная деятельность – существованием, а творчество как свободная самодеятельность – явлением. Вместе с тем оборачивание основания ведет к тому, что в социально-политическом процессе уже творческая активность может относиться к свободной самодеятельности как к своей сущности. Таким

образом, мифотворчество может быть как элементом манипулирования волей и сознанием человека, так и элементом общекультурного процесса самосовершенствования человека и развития им окружающего мира как удвоенного мира его собственной родовой сущности. В предметном мире это реализуется как нарастание свободы в безграничном процессе уникального присвоения людьми природы и общественных связей. Так, творчество несводимо к активности, поскольку социально-политическая активность тоже может быть реакционной, направленной против исторической необходимости и глубинных интересов народа. Соответственно, социетальное управление трансформациями органично включает как грубое принуждение и прямое администрирование, так и гибкую власть, мягкую силу на основе стимулирования и не прямых методов давления. Адекватное потенциалу постсовременности гибкое управление осваивает диапазон возможностей социально-политического программирования будущего и его заблаговременного глубинного зондирования мерами футуродиагностики.

Выводы. Миф объективно и субъективно, на идеологическом и психологическом уровнях, в общественной и индивидуальной плоскостях интегрирует социокультурное пространство. Вместе с тем эта слитность множится социально-политическими стереотипами и процессами обобщения / конкретизации, которые выступают мотиваторами / демотиваторами, направляют и ограничивают сферы действия / бездействие, являясь важнейшим элементом общественного саморегулирования, а также фактором осуществления и восприятия социально-политического регулирования.

Форсированное втягивание в тенденции освоения постсовременных моделей мифодизайна ориентирует на восприятие и использование общественных мифов как эффективного средства управления людьми, отношениями, процессами в настоящем и программирования будущего.

Исторический масштаб глобальных трансформаций повышает необходимость адекватного мифологического оформления процессов, причём как в кросс-культурной составляющей, так и применительно к устойчивым ценностно-смысловым комплексам культурно-цивилизационных миров. Тем самым усиливаются объективные основания общественной заинтересованности в повышении комплексности механизмов социальной кооперации в применении мифотворчества для развития социума и для осуществления рефлексивной модернизации, её восприятия и направленности. Это требует обновления не только собственно информационной инфраструктуры, но и всей целостности общественного уклада, что ориентирует на поддержку государством, обществом и бизнесом формирующихся точек перспективных

перемен и на обеспечение стимулирующей благотворные изменения социально-политической и социокультурной среды.

Дальнейшее научное освоение этого явления предполагает, по нашему мнению, первоочередное изучение метаморфоз концептуальной власти под воздействием мифологического восприятия, интерпретации и воздействия на социально-политическую действительность, а также взаимоотражение реального и виртуального в общественной жизнедеятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Платон. Политика или государство. Книга седьмая / Платон [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://royallib.com/book/platon/gosudarstvo.htm>.
2. Лима-де-Фариа А. Эволюция без отбора : Автоэволюция формы и функции / А. Лима-де-Фариа. – М. : Мир, 1991. – 455 с.
3. Тетиор А. Философия бинарной множественности разветвляющегося и сходящегося мира / А. Тетиор. – ФРГ : Palmarium, 2013. – 687 с.
4. Ожиганов Э. Стратегический анализ политики: Теоретические основания и методы / Э. Ожиганов. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 272 с.
5. Емельянова Ю. Специфіка соціокультурної динаміки етносу (український аспект) / Ю. Емельянова // *Politicus*. – 2016. – Вип. 2. – С. 172–176.
6. Галлямова Р. Институциональные изменения в содержании социальной ответственности современного человека / Р. Галлямова // *ВУЗ. XXI век*. – 2013. – № 2. – С. 88–103.
7. Шедяков В. Мифотворчество в «умном обществе» как социальный процесс: основания и перспективы / В. Шедяков // *Актуальні проблеми філософії та соціології*. – 2016. – Вип. 10 – С. 177–181.
8. Яшина О. Концептуальні засади художньо-естетичного та морального виховання особистості: філософсько-освітній аспект / О. Яшина // *Гілея*. – 2014. – Вип. 91 (№ 12). – С. 258–262.
9. Бахтин М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
10. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 615 с.
11. Lakoff G. *Metaphors We Live* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago, 1980. – 180 p.
12. Lakoff G. *Contemporary Theory of Metaphor* / G. Lakoff // *Metaphor and Thought* / ed. by A. Ortony. – Melbourne : Cambridge University Press, 1993. – P. 202–351.
13. Musolff A. *Metaphor Scenarios in Public Discourse* / A. Musolff. – 2006. – 240 p.
14. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Р. Якобсон // *Теория метафоры*. – М. : Прогресс, 1990. – С. 110–132.
15. Будаев Э. Метафора в политическом интердискурсе / Э. Будаев, А. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 215 с.
16. Goossens L. *Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action* / L. Goossens // *Metaphor and Metonymy in comparison and contrast* / ed. by Rene Dirven, Ralf

Prings. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyer, 2002. – P. 349–377.

17. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

18. Борисова Ю. Миф как инструмент PR / Ю. Борисова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sgu.ru/sites/.../files/.../borisova_yu.v._ulyanovsk_mif_kak_instrument_pr_1.doc.

19. Воробйова Г. Особливості використання політичних метафор у тоталітарних та демократичних суспільствах / Г. Воробйова // *Politicus*. – 2016. – Вип. 1. – С. 84–87.

20. Шедяков В. Специфика формирования и использования мифа в системе социальной регуляции / В. Шедяков // *Публичное управление: теория и практика*. – 2013. – Спецвыпуск. – С. 263–272.

21. Шедяков В. Стратегический дизайн и моделирование циклов социально-политических процессов / В. Шедяков // *Національні моделі економічних систем: формування, управління, трансформації* : Матер. міжнар. наук.-практ. конф. – Херсон, 2015. – С. 47–49.

22. Воеводин А. Стратегемы – стратегии войны, манипуляции, обмана / А. Воеводин. – Изд. 2-е, доп. – М. : Белые альвы, 2003. – 256 с.

23. Плэтт В. Информационная работа стратегической разведки. Основные принципы / В. Плэтт. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 342 с.

24. Шедяков В. Стратегические трансформации методологии социального управления в осуществлении общественных интересов культурно-цивилизационного мира / В. Шедяков // *Гілея*. – 2013. – № 76 (9). – С. 190–194.

25. Большаков В. Агрессия против разума / В. Большаков. – М. : Молодая гвардия, 1984. – 256 с.

26. Шедяков В. Міфічно-символьні конструкції в здійсненні інформаційних впливів на основі ресурсної бази м'якої влади / В. Шедяков // *Гілея*. – 2013. – № 72 (5). – С. 781–787.

27. Денисов А. Краткий очерк основ теории управляемой конфронтации / А. Денисов, Е. Денисова // *Информационные войны*. – 2014. – № 1 (29). – С. 24–33.

28. Хоффман Ф. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов / Ф. Хоффман // *Геополитика*. – Вып. XXI. Война. – 2013. – С. 45–62. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geopolitica.ru/magazine/vypusk-xxi-2013-voyna#.Ul1jb9Kzl68>.

29. Люттвак Э. СТРАТЕГИЯ. Логика войны и мира / Э. Люттвак. – М. : Русский Фонд Содействия образованию и науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2012. – 392 с.

30. Бондар І. Новий формат стратегії й тактики соціально-економічного розвитку України: людина, громада, держава / І. Бондар, М. Чечетов, І. Жадан, С. Дідур та ін. – К. : Корпорація, 2005. – 383 с.

31. Стратегія національної безпеки (альтернативна) – Луцьк : МКФ «Християнське життя» ; Благодійний фонд «Майдан закордонних справ», 2016. – 432 с.

32. Шедяков В. Міфічність розвитку contra використання міфу з метою розвитку / В. Шедяков // *Мультиверсум*. – 2013. – № 3 (121). – С. 21–30.

33. Шедяков В. Постмодернізація трудових відносин як об'єкт соціального управління : дис. ... доктора соціол. наук / В. Шедяков. – Харків, 1996. – 403 с.